

1.3. Концепты «государство» и «личность» в российской истории и культуре

На фоне очередного возбуждения интереса СМИ к политическому самоопределению России в качестве «Великой Державы» и научных дискуссий о характере ее политического режима, для характеристики которого используются такие выражения как *либеральная империя, система манипулятивной, или управляемой, демократии, электоральный авторитаризм, система фантомов, заменяющих реальную политическую жизнь, олигархический капитализм* и тому подобные, уместно обратиться к соотношению концептов государства и личности. Отражая взаимодействие этих феноменов в реальности, соотношение этих концептов выражает спектр возможностей для становления гражданина.

В соответствии с исследованиями М. В. Ильина, в Западной Европе развитие понятий, выражающих идею государственности, представляет собой процесс смены терминов, фиксирующих усложнение политического целого [Ильин 1994]. В них фиксируется несколько уровней европейской теократической империи – частных политических организаций внутри нее, обретающих первые признаки суверенитета. Эти термины отражают прорастание новых политических субъектов внутри мистического тела империи (*corpus mysticum*). Начиная с позднего средневековья, концептуализация общего понятия, близкого к современному понятию политической системы, осуществлялась с помощью римского понятия республики как универсального обозначения любого политического сообщества. Так у средневековых европейцев появились аналоги – *republica, republique, commonwealth, Gemeinwohl* и другие, обозначающие целый спектр образований четырех уровней – и всю вертикальную империю (*res publica populi Christiani*), и Республику Римлян, и организацию любого сообщества (корпораций – *cuiuslibet civitatis*, сословий), и республику города или любого поселения. К концу средневековья возникает и понятие *состояния* (*status, estate, state, etat, Staat* и др.), которое выразило новый феномен нации-государства. Сначала понятие статуса применялось к монарху и возглавляемому им политическому образованию, к различным корпорациям-республикам, к социальному положению, к имущественному состоянию. Политическая система западнохристианской теократии предполагала существование различных «статусов» внутри католической империи. В ее целом всегда наличествовало множество относительно самостоятельных частей – субъектов. Понятие статуса закрепилось за формализованной основой таких систем, как корпорации, поместья, государство в целом. Понятие сословного государства (*Standestaat*), отражающее образование но-

вой формы европейской государственности, складывается в результате парадоксального соединения и смыслового размежевания двух статусов – государства и сословий. В период абсолютизма с утверждением идеи абсолютного суверенного государства и трансформацией политических систем из империй в нации-государства происходит окончательная концептуализация идеи государства-состояния. Понятие политической организации на ранних этапах истории формировалось посредством таких смысловых аспектов: 1) качественно определенное пространство; 2) язык; 3) вера или «закон»; 4) право/правда; 5) принадлежность к сакральной державе; 6) общее происхождение (род, народ, отчина); 7) войско (полк) [Ильин 1994]. Первоначально длительное время для этих смысловых аспектов характерны отождествление и взаимное замещение.

Наметим линию концептуализации политической организации, государства в русском языке. На территории Древней Руси первые известные нам попытки концептуализации политической организации представляют следующие пары слов: *славяне* (свои люди, владеющие одним «словом» или языком) – *немцы*; *земля* (своя земля) – *страны* (примыкающие территории) [Колесов 1986: 186]. Сначала у славян преимущественное значение получило понятие языка – *славяне* противопоставлялись *немцам*, затем на первый план вышла пара *земля* – *страны*.

Славянские термины *род* или *отчина* – еще один смысловой аспект формирующегося понятия о политической организации, фиксирующий общее происхождение. С началом именования нашими предками отчины и земли *державой* происходит усиление политического аспекта понятия. Объединяющее политическое начало, которое держит землю, отчину, язык, олицетворено Вседержителем – сакральным источником и дарителем блага политического единства. Это начало воплощения самодержавного или автократического принципа в понятиях, отражающих формирование имперской политической организации. Развитие имперской системы политической организации связано с различением центра и периферии: терминологически это выражается в противопоставлении *града* и *области*, *стольного града*, *столицы* (княжеского, затем царского стола) и *края*, *страны*. *Столица* (с ее средоточием – *Кремлем*, собственно городом) начинает господствовать над всей подвластной территорией – *краем* (*украиной*), *страной*, простирающейся до пределов, то есть до полосы встречи с другими империями.

Слово *царство*, образованное от титула императора (Цезаря) в форме *царь/цесарь*, становится обозначением для империи и самого имперского принципа. Титул «Государь – царь и великий князь всея Руси» был усвоен московскими государями с середины XV в. Термин *царь* (русская

сокращенная форма слова *цесарь*) с XI в. применялся не в качестве официального титула всех киевских князей, а в качестве обозначения более высокой по сравнению с властью местных племенных или национальных государей – власти римского императора. Царем впоследствии называли хана татарской Орды. Лишь после падения власти и хана на Руси, и Византийской империи, «великие князья всея Руси», считая себя преемниками павших римских императоров, официально приняли этот титул. Под *царем* понимали независимого, самостоятельного государя, никому не платящего дани, никому не дающего ни в чем отчета. Другой термин *самодержец* имел сходное значение. Его развитие шло от обозначения почетного отличия или знака особого уважения древних русских князей (Владимира Св., Владимира Мономаха, Бориса и Глеба) до соединения его с титулом царя, в этом соединении титул *самодержец* обозначал «внешнюю независимость, а не внутреннее полномочие» [Ключевский 1989: 103]. Слово *самодержец* в XV и XVI вв. значило, что московский государь не зависит от другого государя, в нем не было еще значения полноты политической власти, государственных полномочий. Самодержца противопоставляли государю, зависимому от другого государя, а не государю, ограниченному в своих внутренних политических отношениях, то есть конституционному. Главным значением термина *самодержец* была внешняя независимость. Слово *царство* первоначально обозначало достоинство царя, затем обрело значение принадлежности, свойства и, далее, формы проявления царской (имперской) власти. Так сложились существенные характеристики политического целого. Параллельно появлялись термины, фиксирующие внутреннюю дифференциацию имперской организации (Московского царства): типы внутренних владений-доминиумов обозначаются словами *край, область, волость, вотчина, уезд, поместье*; возникали наименования разных по статусу и близости к верховной власти поселений – *город, село, деревня, посад, слобода*.

В. О. Ключевский дает следующую схему смены типов верховной власти на Руси. Первый тип – власть князя. *Князь* – вождь вооруженной дружины, охраняющий Русскую землю и получающий *корм* (вознаграждение). Это «воевода, князь кормленный» – наемный охранитель границы земли. В этом термине нет четких признаков верховной власти – нет ни отношения князя (как носителя верховной власти) к территории, ни политического содержания власти (отношения князя к внутреннему порядку на земле). *Князь* IX, X вв. – оберегатель границ Русской земли с неопределенным территориальным и политическим значением. Второй тип верховной власти, обозначенный титулом «великий князь», содержит и территориальное, и политическое значение, которое принадлежит целому княже-

скому роду, возглавляемому великим князем. Это собирательная верховная власть с постоянным территориальным и политическим значением. *Князь-государь* удельных веков – это земельный владелец удела на вотчинном, то есть наследственном праве. Он владеет территорией с прикрепленными к ней рабами, холопами, челядью, но не владеет свободным населением удела, имеющим возможность перехода из удела в удел. В титуле «князь-государь» воплощается единоличная власть над территорией, политическое значение отсутствует.

Князь не является государем с определенными, постоянно действующими правами над подданными; верховные права его ограничены: он судит, законодательствует, правит, но эти его права есть последствия гражданского договора со свободными людьми. Политические права князя вытекают из гражданских, временных, договорных отношений его со свободными людьми. В удельные века (XIII–XIV) сущность государственной власти выражалась термином *государь*, с параллельной формой *господарь* (в церковнославянских памятниках это ряд слов *господь* – *господин* – *господарь*). Этимология слова *государь* (*господарь*), по версии В. О. Ключевского, восходит к слову *госп'ода*, имевшему два значения: 1) собирательное – собрание *госп'од*, как свидетельствует летопись, так обращались к вечу: «господо братие»; параллельным для *господы* является слово *старш'ина* – собрание старост; 2) отвлеченное значение: *господа* – это владычество, и как предмет владения – хозяйство; *господ'а* – хозяева, а потом *хозяйство*, *господство* [Ключевский 1989: 101].

М. В. Ильин дополняет этимологию слова *государство*. Слово *господь* образуется путем слияния и.-е. *host – чужой, враг, гость, хозяин как участник гостеприимного обмена, и *pot – хозяин, «сам». В этом слове закреплена родовая идея вождя (*го`спода*), организатора регуляции отношений с чужими. Это примитивная политическая функция *господа*. Действительно, исходным было слово *господь* в значении главы рода, мужа, хозяина, выполнявшего еще и сакральные функции (ритуал жертвоприношения, угощение гостей, гостеприимство), а затем – в значении вождя. Тогда *госпо'да* – это совет вождей нескольких племен, или союза племен. С призыванием князей на Русь происходят изменения. Протополитические функции и *господа*, и *господы*, состоящие во внешнем общении с чужими, князья перетягивают на себя, начиная вмешиваться и во внутренние дела славянских племен. Из наемников «на корме» они превращаются во владельцев территории, но в эпоху Киевской Руси этой территорией владеет княжеский род в целом. С христианизацией Руси слово *господь* было перенесено «на горнего подателя благ, покровителя своих (православных) и защитника от чужих (поганых)... Промежуточное, собственно политическое

значение организации отношений с другими политико-потестарными сообществами на время перешло в латентное состояние...» [Ильин 1994: 134].

По В. О. Ключевскому, политическое значение в Киевской Руси нес на себе княжеский род как целое. Но требовалось какое-то именование для князей и для отдельных владельцев. В этих условиях произошло разделение и изменение терминов. *Господом* стали называть Бога, *господарем* – любого хозяина, в том числе и удельного князя. В удельное время князья носили титул «князь-государь». Возможно, общеславянское слово *господарь* в результате фонетического переоформления превратилось в *государь*, а *господин* стало употребляться для обозначения любого частного владельца. В. И. Даль пишет так: «Господь – встарь государь, господин. Ныне – Всевышний, Бог, Создатель. Господин могло встарь употребляться вместо господь и государь; владыка, владелец; держащая власть на месте или в доме; барин, помещик, хозяин; кому покорны чада с домочадцы и слуги, или у кого есть подвластные. Господином чествуют людей по званию, должности их, но не свойственно нам ставить слово это перед прозванием, как на западе (Г-н купец, г-н кавалер)» [Даль 1998: I, 951]. Результатом трансформации этого ряда слов стало, в частности, значение слова *господин* как уже лишённого всякой сакральности хозяина, владельца дома (с имуществом и домочадцами) или места. Общий и.-е. корень **protes* у слов *господин* и *деспот* сохраняет в первом слове значение хозяина дома, обладающего полной властью над домочадцами. Русь как политическое целое могла бы получить наименование *господство*, но получила *государство* (от *государь*), фонетика разная, но смысл тот же. От обозначения хозяев слово перешло на все хозяйство и стало господством. *Господство*, по В. Далю, имеет два значения: 1) владычество, властвование, владение, управление; 2) область, край, местность одной подчинённости; владение, вотчина [Даль 1998: I, 951]. Московские князья стремились придать иной характер собственному властвованию по сравнению с иными князьями-государями, с одной стороны, и с новгородскими и псковскими хозяевами, называвшимися словом *господин*. *Господин* – единственный представитель *господы*. Именно там, возможно, сохранялись коллективные формы господства – власть *господы* или *веча*, это было исключение из общего правила преобладания в большинстве княжеств принципа вотчинности, имперского принципа. «Господин Великий Новгород» – коллективный хозяин (в экономическом и политическом смысле) над округой. В Московском царстве *господарь* дало форму *государь*.

В древней Руси постепенно начали отличать *государя* от *господина*. Вспомним спор Ивана III с новгородцами из-за титула, *господин* для Ивана III звучало унижительно, ибо уравнивало его статус со статусом Новго-

рода и новгородцев. В *государе* акцентировалась более высокая власть, чем в *господине*, поскольку *господином* назывался хозяин вотчины любого масштаба. *Господин* – только властитель с правом управления, а не собственник с правом распоряжения, отчуждения и уничтожения.

Четвертый тип верховной власти связан с титулом «Государь – царь и великий князь всея Руси». Носитель титула – наследственный властитель Русской земли и как территории, и как национального союза. В политическом содержании этого типа верховной власти сведены черты предшествующих ее типов: это и территориальный хозяин Русской земли, и старший из всех государей Руси, и верховный властитель Русской земли как национального целого. Данный титул воплощает территориальное, политическое и функционально-целевое значение верховной власти. Присвоение Иваном IV данного титула целиком (части его присваивались московскими князьями с сер. XV в.) означает усвоение единоличной власти с тройным значением. Он – наследственный владелец всей территории, правитель населения этой территории; его власть определяется целями общего блага его подданных. Последнее формулируется в терминах идеологии «Москва – III Рим», частью которой является миссия главы православного царства. Основанием политического и территориального значения верховной власти служит объединение великорусской народности на территории «всея Руси». Как владелец территории, царь становится властителем великорусского населения. Присвоение данного титула означает совмещение границ удела московского государя с пределами великорусской народности. Удел князя-государя трансформируется в царство «царя-государя и великого князя». Так появляется и термин *государство*.

Название *государство* для обозначения политической системы Московской Руси вызревает параллельно с понятием *царство*. *Государство* вбирает в себя более широкий спектр значений, чем царство, но его нельзя рассматривать в качестве понятия, аналогичного европейским понятиям республики и статуса-состояния. Архаичное понимание власти государя (владельца удела) переносится в эпоху позднего средневековья на новое явление объединения великорусской народности в единое политическое целое. Важен еще и способ формирования этого целого – соединение частных примыслов московских князей с завершающим принудительным захватом-завоеванием Новгорода и ряда княжеств.

В условиях формирования Московского государства как вотчинного самодержавия, политические и хозяйственные функции правителей – владельцев (*князей-государей*) практически не различались, собственность и власть составляли одно целое. Над термином *князь-государь* был надстроен термин *царь-государь*, в котором соединились значения обоих терми-

нов, частный владелец превратился еще и в преемника и обладателя сакральной власти над державой, то есть государством. Получается, что государство и господство – это одно и то же. Но если данное господство от трансцендентного Господа, а не земного хозяина, тогда православное царство, называемое государством, есть сфера власти Господа Небесного, Бога православных христиан. Поэтому трудно установить границы данной сфере, ведь они открыты в бесконечность, это государство есть везде, где есть православные. Царь земно, как наместник Царя Небесного на земле в принципе обладает той же властью и требует того же повиновения себе. Царя земного перестали называть господом, но смыслы старого употребления *господь* (хозяин дома) и нового (Господь православных), слились.

Государство вначале понималось в качестве достоинства и атрибута государя, восприявшего благодать и власть от Царя Небесного (Господа) и передающего ее населению, земцам – соотечественникам, а также как принадлежность хозяина в собственном доме – вотчине. С кризисом вотчинного уклада достоинство и атрибуты государя переносятся на политическую организацию, на объединенную великорусскую народность и, наконец, отождествляются с этой политической организацией. Идея государства начала отделяться от лица (государя) и стала связываться с понятием о народе. Соотношение явлений и понятий о них – государя, государства, народа, становилось иным.

Доминирование имперского принципа в политической организации России вплоть до недавнего времени не отменяет того факта, что в России имело место и становление новой государственности на основе начавшихся попыток усвоения политической модели нации-государства. Этот процесс начинал проявляться с XVII в. путем более четкого определения пределов и границ, прежде всего в связи с демаркацией границ с Речью Посполитой, которая отчасти усвоила принципы территориальности и политического самоопределения не от центра к окраинам, а от границы внутрь государства. Польское влияние сказалось в возникновении в русском языке слова и понятия *граница*. Этот факт свидетельствует о внесении в понимание государственности современных смыслов. Граница – это атрибут государства как статуарной политической организации, но не царства или отчины. Граница объединяет всю совокупность лиц внутри нее. Однако усвоение принципа территориальной государственности в России произошло лишь в XIX в., с включением России в число государств Европы. Это отразилось и в формировании в это время близкого к западноевропейскому пониманию государства и государственности.

Смена именованья русскими собственного государства с X по XVIII вв. происходила так: «...язык – земля – страна – государство – царство –

держава – империя. Данные в этом перечне слова возникали одно за другим, отражая последовательную смену представлений о земле, стране, державе, поскольку каждый новый поворот понятия о новом в развитии социального и политического устройства требовал и нового термина» [Колесов 1986: 277]. В истории значения слов этой последовательности менялись параллельно изменению политической реальности, обобщаемой в этих понятиях.

В. М. Ильин, исследуя эти понятия, намечает три этапа развития понятия государства. Сначала это *земля* со своими синонимами (архаичным языком, ориентированным на внешние взаимодействия, державой, ориентированной на выражение сакрально санкционированной сути системы). Общего понятия нет. Собственно, *земля* – это Русская земля. Общая идея этого политического образования могла бы быть выражена с помощью слова *земство*. Это слово появилось позже, но в нем сохранилось значение непосредственно родового или общественного характера природы земства как самодержавия, самоуправления населения. Значит, если в древности слово *земство* не появилось, то не было и соответствующего явления, то есть вторая сторона образования государства – население присутствовало в скрытом виде, но не требовало особого слова для собственного выражения, следовательно, как бы и не участвовало в образовании государства.

Имперский этап дал такие синонимы, как *царство*, *государство* и снова *держава*. Внешний опыт знакомства с нациями-государствами, возникновение европейской международной системы заставляют использовать слово *государство* в более широком значении статуарного политического образования. Новый этап возникает с присвоением международного имени *империя* прежним *царством–государством–державой*. Слова *царство* и *империя* различаются как обозначения качественно отличных поколений имперской организации: Московского царства как Третьего Рима и Петербургской империи как Рима Четвертого. Понятие *государство* оказалось зажатым между традицией *царства* и реальностью *империи*, уже успевшей подавить начала современного государства. В результате концептуализация статуса-состояния территориальной политической системы не получила своего развития. «Это объясняется особенностями трансформации российской политической системы: аналогичное европейским тенденциям утверждение романовского абсолютного государства в условиях форсированной и односторонней модернизации преимущественно военно-бюрократических аспектов системы, делало Россию скорее империей, чем нацией-государством» [Ильин 1994: 135–136]. В XIX в. за словом *государство* закрепляется родовое значение, а слово *держава* применяется во внешнеполитическом аспекте, и появляются абстракция госу-

дарственности и понятие режима как образа государственного правления, формы государственности.

Следующий этап – провозглашение 1 сентября 1917 г. Временным правительством Российской империи Российской республикой. За недолгое время существования республики Империя не успела стать действительно республикой, а подданные – не успели стать не только реальными, но даже номинальными гражданами. При советской власти произошло внесение новых значений в прежние термины, возникновение юридических фикций, замещение действительности идеологией. Появилось выражение «государство диктатуры пролетариата». Номинально СССР считался союзом республик, а реально воспроизводил многие черты империи, управляемой партгосноменклатурой. Номинально население являлось гражданами СССР, а реально, в силу объема обязанностей и отсутствия реальных прав – подданными. Но помимо союзного еще было республиканское гражданство, что усложняло понимание даже юридического содержания института гражданства в СССР, не говоря о социально-экономическом и политическом. Наличие этой двойственности – союзного и республиканского гражданства порождало и порождает до сих пор различного рода последствия, отягчающие жизнь населения.

В истории России образование понятий о политической организации общества, о государственности было связано с акцентированием лишь одной стороны целого – верховной власти. Государственность в период возникновения Московского царства формировалась на основе принципа империи. Принадлежность к русскому народу и общность народных интересов легли в основу подчинения русского населения московскому государю. Владелец территории стал правителем общества. Зависимость подданных от московского государя приобрела безусловный, постоянный, обязательный политический характер, как сама верховная власть.

Такой характер подданства отменял прежнее право свободного передвижения. Выселение было приравнено к политическому преступлению и национально-религиозной измене. Новый для русской истории тип верховной власти соединил в себе признаки двух предшествующих типов – московский государь стал и наследственным владельцем всей государственной территории, и политическим правителем жившего на ней населения. К территориальному и политическому признаку присоединился еще и национальный: идея национального единства (политического объединения великорусской народности) легла в основание действительной политической власти и притязаний московского государя, который и стал ее единоличным носителем. В понятии государя московского периода сохранились следы понятия «государь» удельного времени. Отсюда **государст-**

во – это хозяйство единоличного политического и территориального властителя; это владычество, господство, собственность государя. Таким образом, в понятии государства представлена одна сторона политического целого – верховная власть, господствующая над целым. Присутствие второй стороны – одного или нескольких субъектов, в русском понятии государства не выявляется. Подразумевается лишь наличие несамостоятельной, исключительно подчиняющейся массы населения в качестве объекта властвования и управления.

Политическое объединение Северо-Восточной Руси под властью московского государя сделало его властителем целой великорусской народности, придало политический характер пространству и содержанию его власти, он предстал в роли творца и символа национального единства, блюстителя национальных интересов. Начав осознавать себя национальным властителем, московский государь оказался связан со своими подданными не личными интересами, а целями народного блага. Возникла новая – безусловно обязательная зависимость подданных от московского государя. Изменения характера верховной власти породили определенные последствия: 1) превращение вольных контрагентов удельного князя в политических подданных московского государя; 2) исчезновение личного гражданского подданства [Ключевский 1989: 307]. Личное подданство холопа удельного князя превратилось в государственное подданство. По Московскому государственному праву лично крепостные холопы государя, слившись с его свободными подданными, передали последним – *служилым людям* – свое юридическое звание «государевых холопов». Свободные лица не стали личными крепостными государя. Новому политическому отношению государя и населения был присвоен привычный термин гражданского (частного) права. Но это звание означало превращение прежних бояр и вольных слуг из временных вольных наемников государя в его вечнообязанных подданных.

Отношения разных классов общества к государю стали строиться не на основе частного договора и частного права, а на основе общего закона, то есть публичного права. Связь между верховной властью и свободным лицом трансформировалась в политическое, принудительное, одностороннее подчинение второго первой, или в абсолютную власть над населением. «Договорные обязательства со стороны свободных лиц превратились в государственные обязанности, а договорные выгоды со стороны князя – в казенное пособие для исправного исполнения этих обязанностей» [Ключевский 1989: 309]. Политический порядок в Московском государстве был основан на государственной разверстке между всеми классами обязанностей, не соединенных с правами. Исполнение государственных обязанностей влекло за

собой соответствующие им выгоды, которые составляли экономические пособия для несения обязанностей, но никак не сословные права, то есть были политическими последствиями обязанностей.

Одной из важнейших общеисторических особенностей российской государственности является преемственность учреждений, стоящих на защите «тайны власти»: «тайной канцелярии», «тайной полиции» и т.д. В отличие от соответствующих учреждений на Западе, в России они обладали особыми структурными чертами – «кольцевым построением», напоминающим строение русского города. Ю. Степанов описывает это построение так: «внутри государева двора выделялся «особый или особый двор», внутри собственной канцелярии – Третье отделение, внутри Секретариата – спецотдел и т. д.» [Степанов 2001: 618]. Структурное сходство тайных учреждений российского государства разных эпох определяется их исторической преемственностью и их общим характером – «личной подчиненностью» правителю-диктатору и методами массового террора. Эти учреждения закрывают российскую власть от общества, делают ее недоступной, тайной, сакральной и, одновременно, принудительной и страшной. Устойчивость эволюции данных учреждений, терминологическое и смысловое родство их наименований видны в следующем ряду: «особый двор» Ивана Грозного в опричнине; приказ тайных дел царя Алексея Михайловича; Третье Отделение Собственной Его Величества канцелярии императора Николая I; Секретариат тов. Сталина и его сращение с некоторыми отделами НКВД (КГБ). Последним звеном в этом ряду является Администрация президента.

В западноевропейском представлении Нового времени о государстве как статусе-состоянии присутствует нормативный аспект – понятие о зафиксированной государственным правом норме отношений между верховной властью и подданными. Этот аспект сочетается с представлением о принудительной власти государства над частными лицами. В России в понятии государства нет акцента на нормативности двусторонних отношений, доминирует принудительный характер верховной власти. До конца XVII в. идея государства в России носила религиозный характер. Воспринятая из Византии киевским князем Владимиром, религиозная идея государства окончательно утвердилась лишь в Московском царстве. Ее развитию способствовали падение Византийской империи и образование Московского государства как единого и независимого. Мысль, высказанная в 1492 г. митрополитом Зосимой, получила теоретическую разработку в посланиях Филофея к князю Василию III и царю Ивану Васильевичу. Это религиозно-провиденциалистская точка зрения, основанная на Св. Писании и аллегорических толкованиях Апокалипсиса: все, что случается

в мире, происходит по воле и Промыслу Божьему и на благо человечества. Учение Филофея утверждает мысль о предначертанном Промыслом перемещении центра христианства из Рима в Византию и из Византии в Москву, где он окончательно утверждается как новый очаг православного мира, несущий провиденциальную миссию. Из этой миссии Филофей выводит predetermined историческую роль Московского государства как центра различных царств православного Востока, а также прерогативы избранника Божьего – царя, самодержавного представителя власти, хранителя и защитника православных традиций, его обязанности и права относительно подданных. Теория Филофея не содержала развитого учения о принципах управления и подданства. Эти принципы были развиты в учении Иосифа Станина (Волоцкого), авторитетом для которого были византийские императоры Константин и Юстиниан. В этом учении содержится признание царя избранником Божиим и верховным охранителем чистоты православия, с соответствующими обязанностями, правами, ответственностью перед Богом.

Игумен Волоколамского монастыря уподоблял власть царя Божьей власти, а повиновение ему подданных – покорности людей Богу или покорности монахов монастырским уставам. Теория Максима Грека касалась справедливости и правды, особенно в области суда. Подобно Фоме Аквинскому, Максим Грек отличает богословские добродетели от моральных, главной моральной добродетелью он считает справедливость или правду. Понятие правды он рассматривает то с религиозно-метафизической, то с нравственной точки зрения, не давая четкого его определения. Правда для него является основой и источником обязанностей и прав государя, особенно в области суда: государь должен соблюдать правду и защищать ее на суде, это ведет к водворению «мира» в государстве и «крепости», оберегающей его от внешних врагов. «"Праведный" государь "сущего надо всеми Бога иметь невидимо соустраивающа себе и соправяща сие земское царство", что и придает его власти сверхъестественное значение и нравственную силу, а также предоставляет ему право требовать от своих подданных безусловного повиновения» [Лаппо-Данилевский 1994: 179]. Эти теории определяли взгляды московских книжников (и даже Ивана Грозного) вплоть до XVII в. Наряду с этими теориями утверждалось официальное учение о более самостоятельном значении московского царства. Ряд сказаний излагали версию о том, что Русь приняла православие от апостола Андрея, а не из Византии, что московские государи происходят от Пруса, брата римского кесаря Августа и т. д. Эти политические фикции были использованы впоследствии Иваном Грозным и перешли в некоторые официальные акты более позднего вре-

мени. Православные учения о государстве давали трансцендентную идею об отношении между государем и подданными. Представители церкви подвергали критике эти теории, возвышая авторитет церкви над авторитетом царской власти (приоритет «священства над царством»), утверждая постулат о повиновении царя церковным догмам и нормам. Эти теории не учитывали записей, даваемых московскими царями боярам в смутное время, и не предвидели роли земских соборов в начале XVII в. Никакой, даже духовной самостоятельности населения не подразумевалось, оно выступало исключительно в качестве объекта религиозно-нравственной опеки царя как главного защитника православия.

В представлениях о государстве Смутного времени начинает чувствоваться различие между государством и формой правления. Однако в качестве способа сохранения Московским государством политического единства рассматривалась верность традиционным формам управления. Земские соборы были использованы царем Михаилом Федоровичем для собственной поддержки именно в целях восстановления порядка в стране. Царь Алексей Михайлович продолжал опираться на православные учения о государстве. Царь подчинился постановлению церковного собора 1667 г., сохранившему за царем верховный авторитет в государственных делах и предоставившему патриарху авторитет в делах церковных. Однако после низложения Никона дуализм церковной и светской власти не мог иметь продолжения, как угрожающий государственному единству, он был упразднен Петром I. В Московском государстве до эпохи преобразований были известны некоторые учения, развивавшие идеи латинской схоластики. Последняя содержала некоторые принципы морали и права, восходящие к доктрине Фомы Аквинского и к идеям Аристотеля. Так в Москве наметился переход от теорий религиозного государства к идеям светского и утилитарного государства, которые опирались на идеи естественного права. Утверждение этих теорий произошло благодаря определенной секуляризации церковного имущества, произведенной Петром I. Теоретическое обоснование эти меры получили в доктрине государственного интереса, соответствующей полицейскому государству Петра I.

В XVII и начале XVIII в. появилось несколько смешанных – православно-утилитарных доктрин о государстве. Взгляды Ордина Нащокина представляют собой попытку сочетания представлений о «Москве – III Риме» и о правде с понятием государственного дела, тождественным для него государственной пользе. С утилитарно-религиозной точки зрения О. Нащокин критиковал республиканский строй как порождающий всяческие заблуждения и возмущения, предпочитая ему монархию, а также с этой же точки зрения рассматривал отношения государя к подданным,

требовал большей самостоятельности для подчиненных властей и более инициативы в городском самоуправлении, рекомендовал введение некоторых европейских учреждений. Работы И. Посошкова содержат сходные идеи. Постепенно начала выделяться доктрина государственного интереса. В ее русле – проект Виниуса: исходя из цели «прибыли великого государя», понимаемой им в меркантильном смысле, и целей общенародной пользы, Виниус утверждает необходимость для подданных учиться и работать. Петр I разделял утилитарное понимание государства, его реформы и были посвящены воплощению этих представлений в России. Отдавая дань традиционным теориям о православном царе и православном государстве, рассуждая о правде и ее роли в юстиции, Петр I выдвигает на первый план понятие о государственном интересе. Государственный интерес для него был тесно связан с понятием «полиции» в широком смысле, в сопоставлении с более узким понятием «рации стата». С идеей полицейского государства, воплощенной в абсолютной монархии Людовика XIV и прусском «Polizeistaat», в России к концу XVII в. уже были знакомы. Эту идею Петр I положил в основу государственной системы. Следуя традициям вотчинного государства, Петр отождествлял пользу государя и пользу государства. Главный регламент утверждает, что интерес есть «прибыток и польза государя и государства». Царь и правительство должны заботиться и о благосостоянии населения, поскольку население полезно государству, для общей пользы царь должен издавать законы, управлять и заботиться о благоустройстве в государстве, оберегать и судить своих подданных. Однако власть его над подданными обязывает последних неукоснительно исполнять приказания царя, быть в беспрекословном повиновении царю. Таким же следованием традициям московских царей в деятельности Петра было то, что интерес государства не был признан им в качестве юридического принципа государственного устройства. Этот принцип, скорее, был правилом его практической политики, чем законом государственного права. Во имя государственного интереса и подчиненного ему общего блага царь устанавливал свои отношения к подданным, вмешиваясь даже в мелочи их частной жизни.

Питая интерес к протестантской культуре, Петр I способствовал распространению некоторых понятий о естественном праве, способных привести к формированию на русской почве юридического понятия о государстве: приказал перевести на русский язык трактат Пуфендорфа об обязанностях человека и гражданина, поддерживал распространение некоторых идей Гоббса. Д. М. Голицын и Феофан Прокопович способствовали распространению произведений Гроция, Пуфендорфа, Локка. Естественное право в России начала XVIII в. распространялось в двух версиях. Петр

I и Феофан Прокопович выше других ценили теорию Гоббса, поскольку ее можно было легко приспособить к самодержавной власти царя. Д. М. Голицын и В. Н. Татищев предпочитали теорию Гроция, которую взяли за основу двух различных проектов 1730 г.

Петр I и Феофан Прокопович представили свои взгляды в трактате «О правде воли монаршей в определении наследника державы своей». Принципы трактата основаны на «слове Божьем», то есть текстах Св. Писания, и на «разуме естественном» в истолковании Гоббса. В рассуждении о происхождении самодержавной власти, установленной от Бога, говорится: «сама наследная монархия ... имеет начало от первого в сем или оном народе согласия, всегда и везде по воле своей, премудро действующу смотрению Божию»; при учреждении наследной монархии народ «воли общей своей совлекается» и отдает ее монарху своему для того, чтобы он владел им «к общей пользе», причем обязуется «аще и не словом, а делом», «единожды воли своей совлекшись», никогда не употреблять ее и повиноваться монарху и его наследникам «во веки». Облеченный такой верховной властью, абсолютный монарх ответственен только перед Богом; он не подчинен законам, которые он дает своим подданным, и исполняет их лишь по своей доброй воле. Он не подлежит суду своих подданных даже в случае нарушения этих законов. Он должен подчиняться законам в случае избрания его при условии соблюдать некоторые ограничительные статьи, на которые он явно изъявил свое согласие. Поскольку русский монарх наделен абсолютной неограниченной властью, «Правда воли монаршей» приписывает ему «*Summem potestatum*», которую Феофан Прокопович определяет по формуле Гроция: «деяния которой ничьей власти не подлежат, так, чтобы они могли быть уничтожены изволением другого человека». Военские артикулы и морской устав Петра I несколько видоизменяют постановления шведского риксдага 1693 г. (шведский король имеет силу и власть облагать своих подданных и правит своим государством по своему усмотрению), фактически они содержат формулу авторитаризма: русский монарх имеет силу и власть управлять по своей «воле и благомнению». Из этих положений в дальнейшем были сделаны выводы относительно прерогатив (прав) монарха, подчинения церкви государству, подчинения учреждений, способных ограничить власть – боярской думы, земских соборов и т.п., самодержавной власти.

«Правда воли монаршей» разъясняет и обязанности монарха, выводя их из законов Божьих, начертанных «Творцом в душах людей». Божественное право является основой естественных законов, к которым и возводились обязанности монарха. Регламенты и указы связывают обязанности монарха с утилитарным понятием о государстве. Основываясь на естест-

венном богословии и на утилитарной политике, можно было выработать понятие о монархе как о первом слуге государства. Петр I выразил эту мысль так: «для общей государственной пользы он персоны своей не щадит» [Лаппо-Данилевский 1994: 182]. Рассуждения Петра I о правах и обязанностях своих подданных вытекали из этих же принципов: государство предоставляет им права, некоторые из них восходят к «естественному закону», а большая их часть соответствует тем услугам, какие они оказывают государству, поскольку подданные должны беспрекословно служить на благо государства. Подданные тем самым становятся слугами государства, то есть в сущности слугами государя, представляющего государство, и ответственны перед ним.

Понятие Петра I о законности представляет такое же смешение рационализма и утилитаризма. Петру не удалось систематически развить принцип законности в целый свод законов. Влияние учения о государственном интересе приводило к усилению принципа: «нет ничего более необходимого для государственного управления, как соблюдение законов», но оно же служило обоснованием необходимости системы фискального надзора и административной юстиции. Последнюю Петр уже начинал отличать от суда. Принцип законности требовал обязательного соблюдения законов всеми частными лицами. Однако традиционная самодержавная политическая практика русских царей по отношению к их подданным, которой следовал Петр, позволяла ему вмешиваться в любые частные дела и подвергать давлению бюрократического режима всех частных лиц. Принцип законности мог бы получить более самостоятельное значение в области юстиции. Под влиянием саксонского кодекса был составлен проект изменения судебного процесса. Проект ссылается на естественное право как его основание, так как согласно естественному закону, каждый имеет право на самосохранение и самозащиту от посягательств сторонних лиц. Но этот принцип не получил дальнейшего развития, особенно в отношении вопросов собственности. Утилитарная доктрина полицейского государства предоставляла определенную самостоятельность юстиции: царь давал общие правила судам, которые позволяли соотносить с ними частные случаи. Однако признавая все, что вредно государству, преступлением, Петр давал возможность применять утилитарную и политическую точку зрения к уголовному судопроизводству. Во многих случаях царь оставался верховной инстанцией, например, в своей тайной канцелярии, и практически всегда мог подвергнуть собственному суду всех, кого и за что считал нужным, мог решать дела в соответствии с теми политическими целями, которые он признавал наиболее важными для государства. Принцип законности в области суда в какой-то мере обеспечивал неприкосновенность личности

и имущества, право защиты от чужих посягательств, но с теми ограничениями, которые были обусловлены действующим политическим режимом. Пробелом учения о государстве, основанного на естественном праве Гоббса и утилитарной концепции государства, было отсутствие зафиксированного в понятиях правоотношения между государем и подданными.

После реформ Петра I в России утвердилось полицейское государство. «Град небесный» был обращен на службу «граду земному». Полицейское государство вполне мирно переварило систему Московского царства, надстроилось над ней, вобрало в себя ее режим и опыт. Имперский принцип Московского царства в полицейском государстве Петербургской империи получил свое развитие и полное воплощение. Символом полицейского государства является «отеческое» попечительство государя и государства об общественной и личной пользе своих подданных [Щербинин 1994: 186]. Обратной стороной «всепоглощающего государства» (Ф. Бродель) был подданический оппортунизм, взаимодействие этих сторон создало особый режим взаимной зависимости между «насильником» и «жертвой» (или «родителем» и «чадами»). Духовной основой этого режима продолжало оставаться православие с его сакрализацией царской – императорской власти. Государственная идеология, основой которой выступало православие, содержала также иные элементы, в том числе полицеизм как особую государственную идею. По мнению Г. Флоровского, «полицейское государство» есть не только и даже не столько внешняя, сколько внутренняя реальность, не столько строй, сколько стиль жизни, не только политическая теория, но и религиозная установка. «Полицеизм» есть замысел построить и «регулярно сочинять» всю жизнь народа и страны, всю жизнь каждого отдельного обывателя ради его собственной и ради «общей пользы» и «общего блага». «Полицейский пафос есть пафос учредительный и попечительный. И учредить полагается не меньше, чем всеобщее благоденствие и благополучие, даже попросту “блажество”» [Флоровский 1990: 83]. В общественном сознании веками доминировала старая российская государственная идея – консервативная константа отечественной политической культуры. Устойчивость, самоидентичность полицеизма в русской истории породила другую крайность – тенденцию негативного отношения образованной части общества не только к недостаткам государственной практики, но и к государству вообще, революционные, анархистские и нигилистские тенденции.

Одновременно с этими тенденциями начинался процесс научного освоения государственной идеи. Нормативистские модели теологического или гегельянского происхождения постепенно уступали место позитивизму. Главным вопросом отечественных государствоведов пред- и порефор-

менной эпохи был вопрос о будущем российского государства. Однако утилитарно-бюрократическое государство адаптировалось к привычной религиозной парадигме, игнорируя современные модели и технологии, предлагаемые позитивизмом. Работ, способных сыграть роль, подобную роли работ Канта, Гегеля, Пухты, Йеринга в Германии, в России так и не появилось. «Русская интеллигенция оказалась неспособной “переварить” и европейские государственные и правовые идеи» [Кистяковский 1990: 106]. Начался процесс изживания наукой старой классической идеи – идеального государства, идеального правителя, образующих в совокупности идеальную государственную власть, и идеального подданного (гражданина). Интерес науки обратился к двум новым проблемам: способна ли наука о государстве четко определить объект исследования; каким быть государству, в котором на первый план выходят интересы частного, а не целого? На первую проблему Л. И. Петражицкий дал свой вариант ответа: термины «власть» и «господство» в отечественной юридической литературе не проработаны с точки зрения объема и содержания, они употребляются во всех областях права без ясно определенного смысла. «Современное государствоведение ... не знает, в какой сфере находится и какую природу имеют те реальные феномены, которые соответствуют его теоретическим построениям, и как, с помощью каких научных методов можно достигнуть их реального, фактического (опытного) познания; и, таким образом, вместо изучения фактов ... получается фантастическое конструирование несуществующих вещей и незнание действительно существующего» [Петражицкий 1907: 194, 206]. Назрела необходимость интегрирующей, фундаментальной отрасли знания о политике, поскольку проблемы политики приобретали значение самостоятельного объекта исследования.

Вторая проблема решалась посредством наполнения государственной идеи новыми для России элементами. Это проблема правового государства, вопросы взаимоотношения государства и права, федерализма и автономизма, прав и свобод гражданина, парламентаризма и т. п. Была предпринята романтическая попытка повлиять на государственную идею. Но государство оставалось полицейским, а взгляды интеллигенции на государство отличались специфичностью: «Для нас, русских, государство – это положение об усиленной и чрезвычайной охране, это военное положение, это военно-полевые суды и смертные казни. Государство – это несправедливые войны... Наконец, государство – это организация сильных и имущих для подавления и эксплуатации экономически слабых и неимущих» [Кистяковский 1906: 85]. Несмотря на разочарование автора в марксизме, влияние последнего на либералов очевидно. Неспособность самодержавного режима к диалогу с обществом привела в конечном итоге к

дискредитации самой идеи государства, и далее – к падению монархического государства. Б. А. Кистяковский: «... всякое полицейское государство естественно и в силу внутренней необходимости всегда приводит к анархии... Ни правопорядок, ни государственный строй не могут быть долговечны, если они не находят себе опоры в общественном правосознании» [Кистяковский 1906: 493]. Одной из причин падения самодержавного режима был крах государственной идеи. Следствием этого в российской истории стало распространение и овладение умами химеры, приобретшей характер достижимой реальности.

Большевистское учение о государстве начало оказывать влияние на массы еще до революции 1917 г. В. И. Ленин в «Апрельских тезисах» воспроизвел учение К. Маркса о диктатуре пролетариата. Программное положение о государстве он изложил в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [Ленин 1969: 192]. Тождество социализма и государственной монополии – стержень государственной идеи большевиков. Формально отвергая прежнюю государственность и ее элементы (религию, «буржуазную» науку о государстве и т.п.), на деле большевики попытались осуществить синтез этих элементов: полицеизм, сакрализацию власти, особую «научность», по букве сходную, но по духу противоположную марксистской ортодоксии. Идеи безгосударственности в послеоктябрьской России быстро исчезли. П. Б. Струве в 1918 г. констатировал: «...советская власть есть, по существу, николаевский городничий, возведенный в верховную власть великого государства» [Струве 1991: 281]. Фиксируя неудачную попытку прямого насаждения учения К. Маркса на русскую почву, А. С. Изгоев писал: «Полицейские глупости большевизма стократно затмили собой полицейские глупости старого строя, тоже не особенно ясно разбиравшегося в экономических вопросах» [Изгоев 1991: 188]. Полицеизм, заимствованный большевиками у имперской России и доведенный до абсолюта, превратился в тоталитаризм. Суть тоталитаризма, как писал И. А. Ильин, в объеме управления: «Этот объем становится всеохватывающим» [Ильин 1992: 94]. Вторым необходимым элементом большевистского государства была вера, квазирелигия марксизма. Большевистское государство – не просто «партийное государство» или «государственная партия», это «Партия – Государство – Церковь», то есть некая «партийная теократия» [Щербинин 1994: 189]. Марксизм-ленинизм-сталинизм как квазирелигия обладал всеми символами конфессии: идеал коммунистического общества – некое «царствие земное» (рай); Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – боги;

Плеханов, Бауман, Киров, Дзержинский и другие, инициаторы и вожди партии – апостолы, чудотворцы, мученики; свои «духовные» академии и семинарии, где готовились «попы марксистского прихода» – от АОН и партшкол до университетов марксизма-ленинизма; свои храмы – от домов политпросвещения до «красных уголков» во всех учреждениях.

Фигура первого лица государства также примечательна: он совмещает функции духовного (как генеральный секретарь партии – «общественно-политической организации») и светского (как фактический, а не юридический, глава государства и правительства) властителя народа. Должность генсека была основной, «начальствующей» (от русского *начинать*), а светские посты – производными от «сана». В его лице фактически сливались законодательная, исполнительная и судебная власти, несмотря на формальное существование соответствующих органов. Он и его ближайшее окружение приводили в движение и влияли на функционирование любых органов «советской» власти. Генсек обладал монополией на истину, его программные речи на съездах носили характер закона, обязательного для исполнения. Сверхвласть главы советского государства, в русле не ушедшей в прошлое традиции восприятия царя, воспринималась как норма, культ вождя позволял персонифицировать личные и общественные достижения и ожидания, идентифицировать и результаты труда, и военные победы, и общество в целом именно с ним. В этом проявляется социально-психологический механизм идентификации масс с вождем. Духовным аспектом культа вождя был традиционный для массового сознания комплекс двоеверия, некое смешение православно-языческой сакрализации вождя–царя–генсека. Сюда вписывается и настоящее – последствие этого комплекса, культивируемого СМИ, сказывается в отношении населения к президенту.

Традиционная для России идея государства была, по сути, сохранена, но она была спрятана за камуфляжем по форме новых советских атрибутов, каноны идеи государства были обновлены. Первый элемент – идеальный правитель, им считался генсек, который (в очередной раз, в соответствии с язычески-мифологическим циклом: каждый новый правитель, «отец и герой» одновременно, кладет начало жизни-движению) «восстановил ленинские нормы и стиль партийно-государственной жизни». На деле за генсека переписали ленинское и марксово наследие под актуальные задачи и интересы элиты партии, адаптировали образ Ленина под него. Второй элемент – идеальная государственная власть, в качестве нее декларировалась власть народа (власть советов» как органов народных представителей), но фактическая власть принадлежала партгосноменклатуре. Третий компонент – идеальный гражданин, таковым считался чело-

век, в котором коллективное сознание подавило индивидуальное, «человек-винтик» мегамашины государства. На неизжитый традиционный комплекс почитания царя наложился комплекс преклонения перед «социалистическим» государством и его вождем. В результате десятилетий работы пропаганды массовому сознанию стал присущ единый социокультурный рефлекс государственничества.

Постсоветское государство во многом унаследовало черты советского государства, в том числе и полицейзм государства по отношению к населению, и патернализм, и попечительство, и зависимое отношение населения к государству, и низкую оценку достоинства личности. Оно все чаще прибегает к знакомым полицейским функциям, уже почти не прячась за фасадом деклараций о правовом государстве.

Некоторые смысловые коннотации концепта «личность»

В соответствии с нашей теоретической моделью гражданина, наличие личности как распространенного в данном обществе типа является необходимой предпосылкой исторического становления гражданина и одним из важнейших измерений самого феномена. Процесс становления личности в России можно исследовать в разной оптике. Распространенность зрелой личности хотя бы в достаточно значимых слоях населения – необходимая историческая и социокультурная предпосылка формирования гражданина. О наличии этой предпосылки можно судить, анализируя многие аспекты жизни индивида – степень его экономической, правовой, моральной и политической независимости, субъектности, автономии. В данном разделе книги мы избрали семиотический подход и, в частности, путь сопоставления исторического содержания концептов, тесно связанных с концептом «личность». Речь идет об их содержании, характерном для российской культуры до XIX века. Безусловно, XX и XXI века внесли огромные изменения в значения концептов, однако не опрокинули те константы, которые сложились исторически. К тому же тенденции архаизации и возврата к «традиционным ценностям» не просто актуализируют это историческое содержание, но реанимируют. Правда, в целях пропаганды и манипуляции общественным мнением «традиционные ценности» конструируются заново, но так или иначе авторы этих конструкций пытаются опираться на старый константный слой бессознательных представлений, запечатленных в словах русского языка.

Мы же попытаемся восстановить действительно исторические значения ряда концептов. Избранный мной ряд слов, которые создают смы-

словое поле описания личности, таков: *личность*, *собь* (аналог собственности), *воля* (аналог свободы), *правда* (аналог права), *власть*. В какой мере смысловое поле значений этих слов русского языка прошлого соответствует представлениям о личности как о субъекте социального действия и отношений, обладающим свободой (воли, совести, собственности, власти), ограниченной правом (извне) и собственным сознанием (изнутри)? Было ли в истории России движение к такой личности?

В. И. Даль приводит три значения слова *личность*: 1) лицо, самостоятельное, отдельное существо; 2) состоянье личное; 3) личная обида, хула, падающая на лицо, оскорбление лица [Даль 1998: II, 668]. Образовано оно от слова *лицо* и потому наследует значение преимущественно внешнего облика человека, его физиономии (в диапазоне от *лика* до *хари* и *личины*), выражающей его духовные качества. Характерна приводимая Далем здесь же посьловица: «Дело не в личности, а в наличности». Она намекает на следующее представление: чтобы тебя признавали в качестве личности, необходимо владеть каким-либо имуществом. Значит, дело в социальном статусе. В какой степени слово *личность* употребляли по отношению к представителям средних и нижних слоев общества, судить сложнее.

В. В. Виноградов в своей статье, посвященной личности, подробно разбирает употребление слова *личность* и слов *человек*, *особь*, *персона*, *лицо*, *индивидуальность*, *индивидуум* и других в литературном и разговорном языке с древности и до середины XX века. Он пишет: «Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII века было чуждо понятие о единичной конкретной личности, индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемы портрета и т.п.)» [Виноградов 1999: 272].

В мировоззрении русской интеллигенции 30-40-х годов XIX в. понятие личности становится одним из центральных. Отмечая роль философских учений в модернизации понимания личности в европейском духе, В. В. Виноградов выделяет роль В. Г. Белинского, который первым осознает необходимость переустройства общества ради освобождения личности. В одном из писем В. Г. Белинский писал, что его «поглотила идея достоинства человеческой личности», что героем нового искусства становится «человек как субъективная личность», и что «...права личного человека так же священны, как и мирового гражданина»; «...все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки... Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности...» [цит.

по: Виноградов 1999: 294]. Сходный тезис развивал и К. Д. Кавелин: «...личность, осознающая, сама по себе, свое бесконечное, безусловное достоинство, – есть необходимое условие всякого духовного развития народа» [Кавелин 1897b: 320]. Исследуя эволюцию русского права, К. Д. Кавелин отмечал неразвитость «начала личности» у русско-славянских племен и отрицательное влияние этого на всю систему частного, гражданского и публичного права [Кавелин 1897a].

А. С. Лаппо-Данилевский отмечает роль индивидуальности в истории и взаимосвязь понятий личности и индивидуальности: «Понятие об индивидуальности есть понятие о некоем единстве своеобразия, характеризующем известную совокупность признаков... под индивидуальностью, в более частном значении слова, можно разуметь и личность, и событие, и социальную группу, и народ, в той мере, в какой они отличаются от других личностей, событий, социальных групп, народов и т.п.» [Лаппо-Данилевский 1912: 232–233]. О роли личности в истории российского права писал и М. Ф. Владимирский-Буданов: «В основе гражданского права лежит понятие *лица* (persona)... Понятие *лица*, как субъекта частного права, ... есть продукт долговременных и сложных усилий истории. Первоначально, при смешении публичных и частных начал, *лицами*, владеющими на частном праве, были союзы общественные: семейный, родовой, общинный и государственный; лицо физическое еще не выделяется. В частности, в древнейшем русском праве отсутствие понятия о *лице* видно из отсутствия терминов, его выражающих; правда, в литературных и законодательных памятниках с древнейших времен встречаются переводные термины: *лице* – с греческ. *πρόσωπον*, и *особа* с латин. *persona*; но из них первый означает не лицо в нашем смысле, а напротив – отрицание достоинства лица, именно один из видов рабства... Неясность понятия о лице физическом в древнейшем русском праве открывается вполне из явлений потока, изгойства и рабства, а также из древних форм семейного и вещного права... Вообще целый 1-ый – земский период ... представляет эпоху не безграничного преобладания *частного лица*, а напротив, полного подавления его правами общественных союзов. Во 2-ом пер. – Московского государства лицо высвобождается (хотя и не вполне) из-под влияния союзов семейного, родового и общинного, но **права его подавляются правами государства**, в особенности в сфере вещного права и права наследования; напротив, в Литовском государстве замечается ранее весьма сильное и чрезмерное развитие прав частного лица насчет прав государства (благодаря влиянию права немецкого, а отчасти – римского), отчего все институты частного права здесь быстро развиваются и специализируются. В период империи – в общерусском праве, особенно, со времен Екатерины

II, постепенно указываются и определяются должные границы деятельности и власти *лица* по отношению к правам государства» [Владимирский-Буданов 1900: 365]. Как известно, без устойчивого положения частного права и реализации гражданских прав индивида именно как частного лица невозможно и развитие публичного права и реализация прав гражданина. Политические права и конституционный статус гражданина в правовом государстве являются гарантией реализации его частных прав.

В современном русском языке, по мнению В. В. Виноградова, встречаются три основных значения в слове личность: 1. отдельное человеческое *я*, человеческая индивидуальность как носитель своеобразных социальных и субъективных признаков и свойств...; 2. человек с точки зрения его характера, поведения, общественного положения...; 3. человек как субъект права и как гражданское лицо...» [Виноградов 1999: 274-275].

Однако до сих пор существуют отличия в употреблении понятия личности в публицистической, общественно-политической литературе, философии, юриспруденции, социологии и психологии, с одной стороны, и повседневной разговорной речи людей. В последнем случае понятие личности используется без рефлексии, в нем заключены фрагменты актуальных и «осколки» древних значений слова, бессознательные представления и стереотипы прошлого, воспроизводящие значения, приводимые В. И. Далем.

Наиболее емкие значения слова *воля* таковы: 1) произвол действия (самоволие), 2) свобода (неподвластность, свобода от крепостного состояния), независимость, 3) власть или сила, 4) право, 5) нравственная мочь, *хоть* (желания, стремления). В двух значениях («власть» и «хоть») В. Даль подчеркивает свойства «нравственной половины человеческого духа», в отличие от противоположной – умственной «половины», разума. Слово *вольный* помимо перечисленных признаков включает значение свободы от обязанностей и занятий. Характерна следующая мудрость: «Разум количественная собь души, воля качественная. Разум отвечает истине и лжи, воля добру и злу» [Даль 1998: I, 584].

Слово *собственность* толкуется как «собь, собина, именье и всякая вещь, как чье-либо наличное достоянье, а слово *собь* включает значения «все свое имущество, животы, пожитки, богатства; свойства нравственные, духовные и все личные качества человека, особенно все дурное, все усвоенное себе по дурным наклонностям, соблазнам, страстям». Здесь же В. И. Даль отмечает: «слова *собь*, означающего личность, отдельность, самую суть человека, в словарях нет; мы пишем: собственный, собственность, собственник вместо: свой, собина, собинник» [Даль 1998: IV, 342]. Отметим неразделимость обладания человеком внешними вещами и внут-

ренными качествами, зависимость вторых от первых, причем вторые как «собственные» оцениваются преимущественно негативно.

Слово *власть* включает такие значения: «право, сила и воля над кем-либо, свобода действий и распоряжений; начальствование, управление; начальство, начальник» [Даль 1998: I, 213]. Ценные разъяснения данного слова можно найти у В. О. Ключевского. Он сопоставляет слова *земли*, *волость* или *область*. Эти слова, образуясь в разные периоды древнерусской истории, и с разными оттенками значений, имели и поле общих смыслов. «*Земли* – это древние области, образовавшиеся под руководством старых торговых городов Руси... *Волость* – это княжество – одно из княжеств, на которые, постоянно переделываясь, делилась Русская земля в потомстве Ярослава. *Область* имела то же значение. *Волость*, или *область*, иногда совпадала с землей, когда, например, целая земля составляла владение одного князя, но обыкновенно составляла только часть ее... *Волости* иногда назывались в церковнославянской форме *властями*;... Наш язык удержал обе формы: и власть церковнославянскую, и русскую волость; первая, собственно политическое понятие, значила право владения; второй усвоилось значение территориальное – сельская волость. *Область* есть производный термин от слова *власть*, «обвласть» означает округ, на который простирается эта власть.... Но иногда эти термины менялись значением: «власть» означала область, пространство владения, а «область» значила право владения» [Ключевский 1989: 98-99]. *Волость* в древности означала удел князя, всякое имение, все, на что простиралась власть лица. Права политические в отношении земли (и населения на ней) сливались с правами фактического частного собственника. Право частное и публичное не были отделены друг от друга. Такое состояние права унаследовали Московские князья-государи, но затем закрепили уже в праве государственном, и лишь в отношении верховной власти. Таким образом, к Древней Руси восходят истоки тождества экономического, политического, правового и религиозного аспектов понятия «власть», проявляющегося до сих пор в современной российской ментальности.

Право, образованное от «правый» (в противоположность левому) имеет следующие значения: в народном употреблении – уверение в истине чего-либо; данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в установленных пределах; наука законоведения [Даль 1998: III, 198]. В отношении первого значения необходимо пояснение: истина (*естина*) – то, что есть, некая земная данность, происходящая от человеческого разума и действий. Но власть, сила, воля и свобода действия – есть истина, или данность, факт, обусловленный предшествующим распределением силы и власти. «Правда» же – это ис-

тина на деле, правосудие и справедливость, которые «с небесе приниче» в отличие от истины, которая имеет земное происхождение.

Если в этот ряд слов включить еще и слово *государство*, то получится весьма показательная картинка. Слово *государство* происходит от слова *господь*, которое дало три параллельные формы: *господин*, *господарь* и *государь* [Ключевский 1989: 102; Ильин 1994: 134]. В. И. Даль пишет так: «Господь – встарь государь, господин. Ныне – Всевышний, Бог, Создатель. Господин могло встарь употребляться вместо господь и государь; владыка, владелец; держащая власть на месте или в доме; барин, помещик, хозяин; кому покорны чада с домочадцы и слуги, или у кого есть подвластные» [Даль 1998: I, 951]. Именно от исходного слова *господь* образованы слова *господство* и *государство*. Русь как политическое целое могла бы получить наименование *господство*, но получила *государство* (от *государь*), фонетика разная, но смысл тот же. От обозначения хозяев слово перешло на все хозяйство и стало *господством*. *Господство*, по Дально, включает два значения: 1) владычество, властвование, владение, управление; 2) область, край, местность одной подчиненности; владение, вотчина [Даль 1998: I, 951]. *Государство* вначале понималось в качестве достоинства и атрибута государя, восприявшего благодать и власть от Царя Небесного (Господа) и передающего ее населению, земцам – соотечественникам, а также как принадлежность хозяина в вотчине, собственном хозяйстве и доме. С кризисом вотчинного уклада достоинство и атрибуты государя переносятся на политическую организацию объединенной великорусской народности и, наконец, отождествляются с этой организацией. До окончательного утверждения Московской Руси-России идея государства была слита с лицом государя, после этого начинается процесс ее отделения от него. Но, похоже, окончательного отделения идеи государства от лица государя (или главы государства, какое бы название ни употреблялось – генеральный секретарь ЦК КПСС, президент и т.п.) в массовом сознании не произошло до сих пор.

Власть – земля – господство (государство) – собственность – право – воля – личность, – в этом ряду слов есть весьма интересное пересечение смыслов. Напластование древнейших смыслов не исчезло полностью даже под сильным влиянием европейских понятий, следы исходных отождествлений живы в современном языке, культуре, коллективных представлениях о государстве, власти, праве, законе и других политико-правовых явлениях.

Были ли распространены представления о пределах власти и права сильных, особенно о внутренних, о внутреннем самоограничении человека в его отношениях с другими людьми? Известно, что внешними преде-

лами таковым выступали в удельное время власть и сила других лиц, в эпоху Московского государства и Петербургской империи – воля самодержца, зафиксированная в государственном праве. Анализ слов, так или иначе способных пролить свет на данный вопрос, приводит к следующему. Самоограничение телесное и нравственное известно в православной мистической традиции аскетизма и монашеского подвижничества. Нравственность до самоотвержения, с противопоставлением духовного телесному, возвышенного мирскому. Однако заметных следов среднего – меры сочетания того и другого внутри и вовне себя, в мирской жизни, в отношениях с другим человеком, в произведениях российской культуры до XIX в. не просматривается. В фольклоре есть противоположные по смыслу утверждения: «Сам себе знай меру» и «Что город, то вера, что деревня, то мера». Общей, формальной, абстрактной меры внешнего поведения личности русская культура, вероятно, не выработала в достаточной степени.

При сопоставлении значений всего этого ряда слов получается, что в языке они определяются друг через друга, образуя неопределенное нерасчлененное поле общих смыслов. Слова *власть*, *право* и *воля* определяются каждое посредством двух других, и все они включают значения силы и свободы действия, то есть субъектности. *Собственность*, очевидно, относится к словам, специфическое значение которых в русском языке не выявлено, не дифференцировано от значений некоторых других слов, в частности, от *власти*, *состояния* (социального экономического, политического, правового в их неразделимости) и *лица*. Недаром социальный институт собственности очень поздно установился в Российской империи, был легко отвергнут в советской России, и до сих пор не стал достаточно устойчивым. Между всеми этими понятиями существует некое смысловое тождество, обусловленное обстоятельствами формирования явлений, ими обозначаемых. Нерасчлененность их значений свидетельствует о реальной слитности явлений.

Личность как отдельное существо своей самостоятельностью обязано наличию у человека собственности («собии») и связанного с ней состояния (социального статуса). Слово *личность* – относительно позднее приобретение русского языка, поэтому в историческом смысле точнее употреблять слово *лицо*. Проявляет себя личность преимущественно при нанесении ей оскорбления, хулы или обиды. Проявления собственной воли, особенности духовно-нравственных качеств («хоти», «собии души») человека оцениваются обществом с негативным оттенком. Субъектность личности связана с собственностью, произволом действия, властью и силой, правом как правом обладающего собственностью, властью и силой, то есть фактически не ограниченной властью и силой. Следовательно, личностью в

России можно было считать лишь лиц, обладающих собственностью, властью, правом и силой: в удельное время – князей, в эпоху Московского государства – самодержца, в Петербургской империи – императора и высшие классы. Средние и низшие слои общества, очевидно, следует отнести к страдательной, лишенной индивидуальной субъектности социальной форме – например, крестьянской или посадской общине. Личность индивидов этих сословий предстает как лицо с его преимущественно внешними характеристиками, обладающее в отдельности своей лишь природными особенностями и лишенное социальной самостоятельности. Это не свидетельствует о полном отсутствии личности у массового человека. Последняя существовала и существует в определенной степени и в настоящее время. Однако это не развитая личность: она личность для других и самой себя лишь на чувственном, эмоционально-аффективном уровне, в ней слабо развита рациональная сторона, самосознание, способность к рефлексии, а также чувство разумной меры и методичность в практическом повседневном следовании высшим социальным и духовным ценностям и идеалам.

Можно сделать некоторые выводы о соотношении концептов государства и личности в российской истории и культуре. Современное содержание понятий *государство*, *личность* и *гражданин* нельзя назвать окончательно ясным, даже в условиях обилия определений в научной и учебной литературе. Несмотря на влияние западной политической науки и результаты заимствования многих понятий политического лексикона, собственно научное содержание этих концептов освоено лишь специалистами, профессионалами – учеными и преподавателями, частью студентов, изучавших политологию и, возможно, теми, кто самостоятельно изучал научную литературу. Речи политиков и общественных деятелей свидетельствуют о слабом понимании ими этих понятий, о наличии фрагментов разных идеологем и мифологем в их представлениях. Однако и в официальном дискурсе, и в представлениях населения, судя по социологическим исследованиям, весьма устойчивыми остаются исходные исторические значения этих концептов. Сейчас эти архаические значения воспроизводятся стихийно, бессознательно. И получается, что государство – это иное наименование господства. Президент, формально являющийся высшим чиновником, вместе с узким кругом приближенных к нему лиц, фактически владеет территорией России и правит обществом. Зависимость граждан (подданных?) от высшего должностного лица носит постоянный, обязательный политический характер. Правда, возможна имитационность в признании авторитета президента частью населения, но объективная зави-